

Время ММ.-2003.-
-26 марта.-с. 11.

Любимцы женщин

ДМИТРИЮ КОРЧАКУ только что исполнилось 24 года. А он в столице уже один из самых заметных теноров. Закончил училище им. Свешникова, Академию хорового искусства Виктора Попова. Суворовская строгость академии, мудрость педагога Дмитрия Вдовина и серьезность самого певца, обладающего голосом редкой красоты, не позволили стать ему вторым Басковым.

Корчак по-прежнему много поет с хором академии, стоя в одном ряду со всеми. Но много сопировал с «Виртуозами Москвы», гастролировал в Голландии, Германии, США. Не раз исполнял партию Моцарта в опере Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери» с выдающимся баритоном Сергеем Лейферкусом. Фонд «Триумф» удостоил его молодежного гранта. Фонд Козловского присудил титул «Лучший тенор». Второй сезон Дмитрий Корчак работает в театре «Новая опера». Его последняя работа — Альфред в «Травиате». Это в 24-го года!

Вот с кем мы и поговорим о странной мужской ипостаси, о любимцах женщин — тенорах.

— Один знакомый хороший тенор вдруг пропал куда-то, а через некоторое время вернулся... баритоном! Говорит, тенором быть очень трудно.

— Я знаю больше примеров, когда певцы, наоборот, из более низких голосов переходят в высокие. Это связано с тем, что после ломки голос еще не имеет полного профессионального диапазона. Я слышал, что и Доминго начинал как баритон, и Каррерас.

— А может, они ломнулись в тенора, поскольку это самые высокооплачиваемые музыканты в мире?

— Гнаться за деньгами таким образом — очень опасно: можно вообще без голоса остаться. И потом, лучше все-таки быть хорошим баритоном, чем плохим тенором.

— А кого бы вы назвали сегодняшним Карузо? Аланью?

— Тенора же все такие разные! Я люблю умных и образованных. Несколько раз слушал Аланью живьем. И Доминго, и Паваротти, конечно, великие. Очень люблю Николая Гедду. Ему под 80 — а он, говорят, еще неплохо поет. Люблю испанца Альфредо Крауса. Если брать крепкие голоса — это Франко Корелли, Дель Монако, Атлантов. Но они пели партии, с которыми я никогда не соприкоснусь: я «легкий» лирический тенор.

— Лирические и драматические тенора — это условное деление или нет?

— Очень четкое. Герман и Отелло — или, как я, Ленский и Берендей. Большая же разница.

— У вас наверняка богатая коллекция теноровых записей. Кого вы слушаете?

— Коллекцией не похвастаюсь. Я всю жизнь жил в общежитии и ничего не собрал. Но слушаю много — беру у друзей, у своего педагога Дмитрия Юрьевича Вдовина, вот у кого коллекция! Если честно, я не уютно себя чувствую при прослушивании старинных шелкающих записей с дребезжащими голосами. Но все же можно расслышать и стилевые особенности, и технические приемы, и качество произношения.

— На кого из наших теноров посоветуете ходить?

— В Большом это Сева Гривнов и Миша Губский. Потрясающий дебют был у Максима Миронова в «Петре Великом» в «Геликон-опере»: ему же вообще всего 20 лет! Вот у кого, наверное, большое будущее. В августе я слушал в Мариинке «Турандот» с Владимиром Галузиным. Я уж даже и не знаю: наш он, не наш...

— Судя по всему, вы легко подчиняетесь режиссеру. А затейливая, экстравагантная оперная режиссура — сегодня самый острый вопрос в музыкальном театре.

— Сейчас для режиссеров открылись все возможности. Часто оперы ставят даже режиссеры драматические. У меня был по этому поводу разговор с Лейферкусом. Он сказал: «Пока ты молодой, пока имени нет — все равно ты вынужден работать с кем придется. И твоя задача — поскорее выйти на тот уровень, когда ты сможешь выбирать». Сам он, получая предложение, спрашивает в первую очередь, кто режиссер спектакля. И часто отказывается даже от выгодных предложений.

— У вас какая верхняя нота — «до»?

— И «до» тоже.

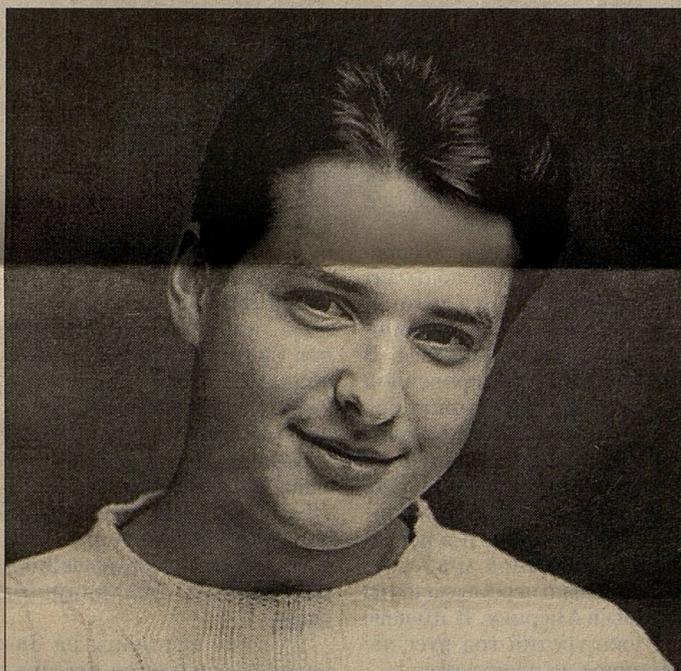
— Возможно ли сегодня уговорить дирижера подольше поддержать ваше верхнее «до»?

— Наверное, но я никогда не пробовал. Задайте мне такой вопрос через 20 лет. А сейчас об этом можно спросить у Доминго... У дирижера же свои представления о музыке. Моя жизнь связала с такими большими дирижерами, как Попов, Колобов, Спиваков, Темирканов, Федосеев — я стараюсь впитывать их профессиона-

лизм. Мой первый диплом — дирижерский, и мне проще их понимать.

— Действительно ли тенора иногда заслушивают собственным голосом? Например, пианисту этого не понять.

— Пение — такая вещь, в которой должна быть доля самолюбования. Если не получаешь наслаждения от своего пения — значит что-то не в порядке. Другое дело — найти меру самолюбования, которая не пойдет наперекор музыке.

— Еще из специфического: когда вы громко и красиво тянете высокую ноту — вы чувствуете черепные резонаторы?

— М-м-м... Нет. Вот вы же сейчас говорите со мной — и вам отвечают ваши резонаторы, иначе вас не было бы слышно. В пении участвуют, конечно, все полости головы. Самая большая — ротовая. Гайморовы пазухи, лобные... Все помогает звуку, создает тембр... Если честно, я начал читать об этом книгу — и закрыл ее. Я понял, что просто петь не смогу, если буду думать, что надо открыть, а что закрыть. Все тут же сломается.

— Только я хотела спросить про нижнебрюшное дыхание, которым славился Карузо...

— Умоляю, не забивайте мне этим голову. Я отвечаю так: да пой любым местом. Главное, чтобы вышло красиво!

— А говорят, в теноровом арсенале существует какой-то «носовой» голос, опасный для здоровья?

— Это частый грешок у теноров. Мой в том числе. Дмитрий Юрьевич меня постоянно исправляет.

— Сколько же часов в

день можно уделять пению? Тенор же не может, как пианист или скрипач, часов по семь заниматься? Что же он делает все остальное время?

— Везде в Европе 6-часовой рабочий день для певца. К этому надо быть готовым. Что у меня? Занятия с педагогом. Прослушивание музыкального материала. Выучивание партитур. Сольные гастроли с совершенно разными программами, к которым надо готовиться. Много времени занимают поездки и дорога. Я живу на окра-

льным инструментом — голосом?

— Я могу только сказать, что опера — это жанр, к которому надо приучать с детства, в семье. А в стране, где меняются культурные ценности, трудно ждать, чтобы опера или другие виды высокого искусства стали близкими народу. Задача всех людей культуры — хоть в более или менее достойном виде его преподнести. Сейчас вообще очень трудно встретить артиста, который полностью живет спектаклем, ролью. Слишком много бытовых проблем. Зарплаты мизерные, у всех семьи, дети... Я уж не говорю о шмотках или отдыхе. Это при том, что у нас в театре, кажется, самая не самая низкая зарплата по Москве.

— Митя, а почему все тенора такие толстые? Это важно для голоса? В Большом есть тенора, которые ни к Лизе в «Пиковой даме», ни к Иоланте подойти не могут — живот мешает.

— Живот не резонатор. Но когда споешь Альфреда — очень хочется есть. Я пока в хоре пел — так не хотелось. Недавно взвесился — думал, весы сломаны, тоже так растолстел! Из меня эта партия все соки выжала, пока я ее готовил. Я если не поем как следует, не могу даже репетицию начать — сил нет.

— Пение считается благороднейшим проявлением человеческого духа. Почему же тенора такие все нервные? В недавнем интервью бас Паата Бурчуладзе сказал, что у басов нет таких проблем во взаимном общении, как у теноров. Это какая-то внутри-театральная традиция?

— У меня такого опыта, как у Бурчуладзе, нет. В «Новой опере» общение между всеми артистами просто потрясающее. Но, мне кажется, у тенора организм очень нежный, легко воспаляющийся. Легко раздражающийся. Басы, и правда, более спокойные и благодушные. Трудно, трудно жить нам на этом свете.

— За что же вас, теноров, женщины так любят?

— За нашу эмоциональность, наверное. И за недостатки.

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ЗИМЯНИНА

ДМИТРИЯ КОРЧАКА МОЖНО УСЛЫШАТЬ 29 МАРТА В СПЕКТАКЛЕ «НОВОЙ ОПЕРЫ» «СНЕГУРОЧКА», НА КЛАССНОМ ВЕЧЕРЕ Д.Ю. ВДОВИНА В ЗАЛЕ ГНЕСИНСКОГО УЧИЛИЩА 10 АПРЕЛЯ, А 12-ГО И 20-ГО — В МЕЖДУНАРОДНОМ ДОМЕ МУЗЫКИ НА КОНЦЕРТАХ АКАДЕМИИ ХОРОВОЙ МУЗЫКИ.

Корчак Дмитрий

26.03.03